

DOI 10.15826/qr.2018.1.287

УДК 910.4(470.11:430)+94(4)"1700/1721"+94(470.23-25)"17"

**МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ЦАРСТВОМ:
ПУТЕШЕСТВИЕ ПОДЪЯЧИХ ИЗ АРХАНГЕЛОГОРОДСКОЙ
ГУБЕРНИИ НА ТЕАТР СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
В 1716–1718 ГГ.***

Александр Лавров

Сорбонна,
Париж, Франция

**BETWEEN EMPIRE AND TSARDOM: THE TRIP OF CLERKS
FROM ARKHANGELSK PROVINCE TO THE THEATRE
OF THE GREAT NORTHERN WAR, 1716–1718**

Alexander Lavrov

Sorbonne Université,
Paris, France

This article considers a new source that has not previously attracted the attention of researchers: an account of a journey undertaken by clerks from Arkhangelsk province to Pomerania. In 1716, the clerks, who served in the local administration in Kevrola and Mezen, were sent to take the money collected from Arkhangelsk province to the regiments of Peter the Great's army. The clerks travelled through Moscow, Novgorod, St Petersburg, Narva, Dorpat, Riga, Mitau, and, on their way home, through Smolensk and Moscow. The most important feature of this account is that it is not an official report (it is hoped that the official report will also be found in archives), but that it was written for a private purpose. Thus, it can be considered the first Russian travelogue to describe a trip between the two Russian capitals, and also one of the first Russian descriptions of St Petersburg (many modern foreign descriptions of St Petersburg are well known, but the text in question is one of the oldest Russian descriptions). As far as their narrative manner is concerned, the clerks were conservatives rather than innovators in their approach to writing. Describing every town in their own manner, they were

* *Citation*: Lavrov, A. (2018). Between Empire and Tsardom: The Trip of Clerks from Arkhangelsk Province to the Theatre of the Great Northern War, 1716–1718. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 139–150. DOI 10.15826/qr.2018.1.287.

Цитирование: Lavrov A. Between Empire and Tsardom: The Trip of Clerks from Arkhangelsk Province to the Theatre of the Great Northern War, 1716–1718 // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 139–150. DOI 10.15826/qr.2018.1.287 / Лавров А. Между империей и царством: путешествие подъячих из Архангелогородской губернии на театр Северной войны в 1716–1718 гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 139–150. DOI 10.15826/qr.2018.1.287.

primarily interested in the relics of Orthodox saints and miracle-working icons. Their description of St Petersburg is very laconic: furthermore, it is hardly surprising that the clerks lacked a means of expression colourful enough to describe Protestant Courland and the Catholic Grand Duchy of Lithuania. The combination of the official purpose of the trip and its route, connecting the most important 'lieux de mémoire' of Russia, makes this account unique.

Keywords: travelogue; Petrine epoch; 18th century St Petersburg; Great Northern War; Nikita Telitsyn.

Статья посвящена новому источнику, никогда не привлекавшему внимания исследователей, – запискам подьячих Архангелогородской губернии об их путешествии в Померанию. В 1716 г. подьячие, служившие на Кевроле и на Мезени, были отправлены для того, чтобы отвезти в полки действующей армии деньги, собранные с этой губернии. Путь подьячих пролегал через Москву, Новгород, Петербург, Нарву, Дерпт, Ригу и Митаву. Они вернулись обратно через Смоленск и Москву. По мнению автора, самое важное в записках – это то, что они не являются официальным отчетом (можно надеяться, что официальный отчет тоже когда-нибудь будет найден в архивах), а написаны для себя. Таким образом, перед нами первый русский травелог, представляющий путешествие из Москвы в Петербург, а также одно из первых русских изображений новой столицы (мы знаем много современных иностранных описаний Петербурга, но найденный автором текст является одним из старейших его русских аналогов). Отмечено, что по своей нарративной манере подьячие были скорее архаистами, нежели новаторами – в изображении любого города они выделяли в первую очередь его святыни, мощи святых и чудотворные иконы. Описание Петербурга получилось у них лаконичным, и неудивительно, что у них не хватило красок для изображения Курляндии и Великого княжества Литовского. Сочетание деловой цели путешествия и его маршрута, соединившего важнейшие «lieux de mémoire» России, делает это путешествие по-своему уникальным.

Ключевые слова: путевые записки; Петровская эпоха; Петербург XVIII в.; Северная война; Никита Телицын.

Петровское время оказалось временем пространственной мобильности в масштабах, не знакомых Московскому государству. Призванные в армию рекруты, мобилизованные на строительные работы крестьяне и посадские, не говоря уже о путешествовавших по «казенной надобности» государственных служащих, перемещались по всей Европейской части страны. Среди последних были и подьячие из Архангелогородской губернии, посланные с «казной» на фронт Северной войны. Таким образом, перед нами сравнительно новый случай, когда за границу отправлены были не военные или дипломаты, а представители местной администрации. Кажется знаменательным то обстоятельство, что подьячие отправились за границу почти одно-

временно с царем (в описании Москвы они отмечают «персону» царя, украшавшую ворота в Кремле, которая как бы замещала временно отсутствовавшего самодержца). Два заграничных путешествия Петра I оказались рубежом в культурном осмыслении русскими людьми собственного опыта за границей, в переосмыслении самого понятия «путешествия». И если первые статейные списки петровских дипломатов еще вполне напоминают статейные списки XVII в., то вскоре обнаруживается бинарность опытов и текстов, при которой официальный отчет о миссии мог дополняться частными заметками об увиденном и пережитом, не предназначенными для начальства. Именно это и произошло с подьячими: один из них составил заметки о поездке, не являющиеся официальным отчетом. Это тем более знаменательно, что путевые записки канцелярских служителей этого времени не известны исследователям. С. Н. Травников, посвятивший несколько исследований путевым запискам петровского времени, работал с текстами дипломатов и «стипендиатов», посланных Петром в Западную Европу, которые он сопоставил с записками паломников в Святую землю (кажется, что обе эти группы источников ранее не сопоставлялись друг с другом) [Травников, 1987; Травников, 1989]. Памятники этих двух групп, исследованные С. Н. Травниковым, могут быть безусловно объединены одной общей чертой – и те, и другие описывали иной, «чужой», или «сакральный» мир. В этом отношении записки кеврольского подьячего Никиты Телицына и его товарищей представляют исключение, так как большая их часть посвящена Российской империи. Именно эта двойственность, эта сложная задача описания «своего» и «чужого» и делает текст таким интересным.

Записки сохранились в единственном списке в рукописном сборнике из собрания Н. С. Тихонравова [РНБ, собрание Н. С. Тихонравова, № 319, л. 251–262] (цит. по: [Георгиевский, с. 56–57])¹. Несмотря на печатное описание, они не привлекли к себе внимания исследователей. Биографии, как, впрочем, и почерк Телицына и его товарищей неизвестны – можно сказать, что здесь необходимы новые исследования в фрагментарно сохранившихся архивах петровских местных учреждений. Таким образом, саму историю «посылки» кеврольских подьячих приходится восстанавливать исключительно по их запискам.

Согласно «Запискам», задачей подьячих было отвезти деньги, разложенные на Архангельскую губернию, в полковые кассы полков, находящихся на театре Северной войны. Таковых полков было 12 – они тщательно перечислены в росписи, а содержание их требовало астрономической суммы:

¹ Путевые записки содержатся в сборнике, содержащем «Александрию», «Хождение Трифона Коробейникова», «Историю о Петре Златые ключи» и отрывки из «Записок» А. А. Матвеева. Очевидно, невыразительный заголовок, данный тексту в описании («Записи подьячих 1716 года»), сказался и на отсутствии исследовательского интереса к нему.

В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в круглых скобках с указанием номеров листов рукописи.

Роспись полкам,
которые положены на Архангельскую губернию.
От кавалерии
Архангелогородской,
Тобольской,
Каргопольской
От инфантерии,
Вологоцкой,
Гранодерской,
Азовской,
Новгородской
Белогороцкой
Нарвской
Невской
Саксонской
Копорской,
Всего 12 полков (л. 253)².

Всего на одну треть года полагалось по 4 397 руб. 99,75 коп. на один кавалерийский полк, и по 4 399 – на один солдатский. Пересчитав на 12 полков, подьячие получили 52 785 руб. и полкопейки, а на 12 полков и целый год – 158 355 руб. и полторы копейки. Мои подсчеты, проведенные на основании тех же базовых цифр, дали расхождения на несколько копеек. Мне остается неясным, везли ли подьячие всю годовую сумму или только одну треть, но и в первом, и во втором случае казна получилась такой впечатляющей, что им приходилось служить и грузчиками, и охранниками.

Согласно «Запискам», подьячий Иван Шмаков «с товарищи» выехали с Мезени в Архангельск 1 октября 1716 г., «в самый праздник Покров». Тремя днями позже с Кевролы отправились в губернский город подьячий Никита Телицын «с товарищи». Встретившись на Усть-Пенеге, они продолжили свой путь до Архангельска, где, очевидно, и получили всю сумму на руки (л. 256). Покинув Архангельск 15 февраля 1717 г., они через Вологду, Ярославль, Ростов, Пере-

² Из кавалерийских полков, названных в «Записках», совершенно ясно отождествляются Архангелогородский драгунский и Каргопольский драгунский (последний известен также как полк Ивана Болтина). Среди солдатских достаточно просто отождествить Вологодский, Азовский и Новгородский полки – это, соответственно, полки Р.В. Брюса, И.А. Буша и Н.Н. Балка. Нарвский, Невский и Саксонский солдатские полки известны также как полки поручика А.А. фон Шнобеда, Кулика и Самуила фон Ренцеля. «Копорский» полк упоминается также как полк Афанасия Скрипицына.

О Новгородском полке известно, что он действовал в Померании в 1711–1718 гг., а Нарвский полк локализуется там же в 1714 г. Из других источников известно и об участии Саксонского полка в военных действиях под Копенгагеном в 1716 г.

Зато трудно что-либо сказать о Тобольском драгунском полке. Не совсем ясна идентичность «Гренадерского» полка, так как таковых было несколько. То же самое можно сказать и о «Белогороцком» полке – М.Д. Рабинович находит Белгородский гарнизонный солдатский полк на Украине и впервые упоминает под этим названием под 1727 г. [Рабинович, № 126, 138, 185, 194, 250, 315, 564].

славль и Троицу добрались до Москвы (5 марта 1717 г.), откуда через Торжок и Новгород приехали в новую столицу. Из Петербурга их путь лежал через новозавоеванные балтийские провинции – через Нарву, Вольмар, Дерпт и Ригу. Переехав рубеж, подьячие оказались в Курляндии, а затем на основной территории Речи Посполитой. Добравшись до полков и сдав деньги, они вернулись через Смоленск, Вязьму и Москву.

Если бы подьячие подробнее рассказали о своей встрече с офицерами петровской армии, наконец получившими долгожданное жалование, то их произведение могло бы стать одним из интереснейших источников по истории Северной войны. Однако кеврольские и мезенские подьячие пошли по иному пути, практически обойдя саму цель своей поездки, включив в «Записки» как раз то, что не могло попасть в официальный отчет, – путевые впечатления. Проезжая через каждый город, подьячие методично отмечали находившиеся там православные церкви – можно полагать, что они молились в них, но сами авторы не сочли собственные религиозные чувства достойными упоминания. Даже если эти церкви занимали вполне скромное место рядом с протестантскими соборами и католическими церквями, последние не привлекали внимания путешественников и не вызывали у них интереса. Все это сближает наши путевые записки с традиционным жанром, несомненно знакомым их авторам, – с описаниями паломничеств³.

В соответствии с этим в путевых записках вырисовывается как бы два круга – с одной стороны, города Московского государства, описание которых превращалось в каталог реликвий, с другой стороны, новая столица и прибалтийские города, которые были исключительно бедны в этом отношении, но описывались по той же схеме. Если представить себе «ментальную карту» подьячих, то на ней отчетливо вырисуются два центра, от которых идет отсчет всех расстояний – это новая и старая столица. Можно сказать, что авторы путевых записок как бы описывают две пересекающиеся, но не полностью совпадающие между собой сферы – Московское царство с его реликвиями и созданную Петром I империю.

Империя

Имперское пространство структурируется благодаря созданным Петром губерниям. Показательно, что в свои заметки подьячие включили список губерний с новейшими поправками, связанными с уступкой Азова (1713):

³ Систематически используя поездки с казенной подорожной для того, чтобы осматривать чудотворные иконы, мощи святых и другие реликвии Святой Руси, подьячие действовали точно так же, как и воеводы Московского государства, тоже пользовавшиеся новым назначением для осмотра местных святынь [Лавров, р. 375–384].

Роспись губерниям: Московская, Санктпетербургская, Архангелогородская, Киевская, Смоленская, Казанская, Нижегородская, Сибирская, Азовская, а ныне Тамбовская (л. 253 об.).

В то время как семантическим центром Московского царства является старая столица, центром имперского пространства оказывается новая. Примечательно, что авторы пытаются описать Петербург по той же схеме, по которой они описывают и старинные русские города – начиная с соборов и церквей:

А Санкт-Петербург город каменной а около ево земляной вал, а стоит край Невы реке. А в городе соборная церковь Петра и Павла и Иван Великий она же, а воне города меж канцеляриями да гостиным двором церковь Живоначалныя Троицы. За гостиным двором церковь Казанския Богородицы.

За Невкою рекою церковь Самсона Странноприимца, на другой стороне Неве реке церковь Симеона Богоприимца, в Морской церковь Исакия Далмацкого, в Тотарской церковь Николы Чюдотворца, на Васильевском острове церковь Василия Кесарийскаго (л. 263 об. – 264).

И канцелярии, и гостиный двор попали сюда только как ориентиры, которые помогали описать местоположение петербургских церквей. В этом описании прежде всего обращают на себя внимание две детали: Петропавловский собор, никогда не имевший алтаря или придела во имя Св. Иоанна, назван «Иваном Великим» – скорее всего, потому что он выполнял в новой столице ту же роль, что и звонница Архангельского собора – в старой. Привлекает внимание и не зафиксированная другими источниками церковь Василия Кесарийского на Васильевском острове. Кажется, что эта церковь, о времени основания которой можно только догадываться, может объяснить и название Васильевского острова, о котором до сих пор делаются самые разные предположения.

К имперскому пространству принадлежали и балтийские города, завоеванные во время Северной войны. Показательно, что авторы следуют для Нарвы той же модели описания, что и для Петербурга, то есть описывают православные храмы, не упоминая даже о существовании лютеранских. Подробно описываются либо военные разрушения, либо фортификационные сооружения, оставшиеся по наследству от шведского периода⁴. Некоторая попытка вписать Нарву и Дерпт в старое «московское» пространство сделана путем перечисления их старых названий (Юрьев Ливонский и Ругодив – л. 258 об.).

Показательно, что здесь можно различить два рода границ – одни, чисто фиктивные, отделяют культурное пространство Московского

⁴ Например, о Нарве сказано, что «в городе ныне жилья никакого... живут во(в)не града» (л. 258 об.).

царства от новозавоеванных территорий, другие, реальные, служат границами империи. Совершенно ясная граница первого типа проведена между ливонской Нарвой и русским Ивангородом:

А за Наровой рекой город каменной же против того ж города а строением царя Ивана Васильевича, а зовется Ивангород, а в нем церковь Николы Чюдотворца,

– пишет автор, приписывая царю Ивану IV заслуги великого князя Ивана III (л. 258). Напротив, в дальнейшем, когда, переехав границу, подьячие въедут в герцогство Курляндское, находившееся под вассалитетом Речи Посполитой, сам характер описания будет наталкивать на то, что границы размыты. Например, правящая в Митава Анна Иоанновна названа не герцогиней, как это следовало бы, а царевной:

Митава город, вал земляной, а в нем строение каменное, курлянского князя, а ныне живет государыня царевна Анна Ивановна (л. 259).

Напротив, возвращаясь через Великое княжество Литовское на родину, подьячие четко отметили момент пересечения границы между Речью Посполитой и Россией.

Московское царство

Описание Москвы начинается с кремлевских соборов. В Успенском соборе внимание подьячих привлекли Риза Господня и раки митрополитов Ионы, Петра и Филиппа, в Чудове монастыре – рака митрополита Алексия. Среди всех великокняжеских и царских надгробий в Архангельском соборе подьячие отметили только раку царевича Дмитрия Угличского, а в церкви Спаса-на-Бору – мощи Св. Стефана Пермского. За пределами Кремля подьячих заинтересовали только реликвии московских юродивых, сосредоточенные по соседству – в соборе Василия Блаженного и в церкви в Зарядье:

У Троицы на Рвы от Спаского мосту в пределе мощи Василия Юродиваго. От Зарядья в пределе же мощи Иоанна Юродиваго. В Зарядье церковь и мощи почивают, Максим Юродивой (л. 252).

Для Новгорода центральным является, конечно, описание собора Святой Софии. Оно оказывается особенно интересным благодаря подробному представлению его некрополя, который неоднократно переделывался и переосмыслился, как это было показано в исследовании В. Л. Янина. Подьячие увидели следующее:

А в городе соборная церковь каменная во имя Софии Премудрости является Божией здание превеликое. А святых чюдотворцов в ней опо-

чивают с летнюю страну в пределе почивают князя Мстислав да Феодор новгородские чудотворцы.

В пределе ж сряду почивает Никита Архиепископ новгородский чудотворец.

С северную страну в пределе ж почивают князь Владимир да княгиня Анна.

С северную ж страну от глубника в пределе ж почивает Иоанн архиепископ новгородской чудотворец (л. 255 об.– 256).

Совершенно очевидно, что подьячие увидели то, что им показывали. Отметим, что при этом они описали все увиденное с исключительной точностью. «С летнюю страну», то есть в южной части собора, а точнее, в Рождественском приделе, они увидели раки князей Мстислава Ростиславича и Федора Ярославича, брата Александра Невского (последние были перенесены из Юрьева монастыря в Смутное время)⁵. На южной стороне собора (то есть справа от иконостаса) действительно покоились мощи князя Мстислава Храброго, а также князей Мстислава и Федора. Отметим, что данные подьячих оказываются порой исключительно правильными – они совершенно точно локализируют мощи Св. архиепископа Иоанна в «глубнике», то есть в северо-западной части собора, в придельной церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, где они были обретены в 1439 г. и где находились с тех пор [Янин, с. 159–160]⁶. Несколько труднее понять указание на мощи Св. Архиепископа Никиты, которые подьячие увидели «в пределе ж сряду» – если понять так, что они вошли в собор с южной паперти, то они действительно находятся сразу у входа («сряду»), то есть в арке, отделяющей церковь Иоакима и Анны от Рождественского придела.

Именно в связи с этой исключительной точностью оказывается особенно интересной история с князем Владимиром Ярославичем и с княгиней, обычно отождествляемой с его матерью княгиней Анной. Согласно В. Л. Янину, их саркофаги регулярно переносились с места на место. Первоначально они находились в Корсунской паперти, где их помещают все описания первой половины XVII в. Если довериться реконструкции В. Л. Янина, то после 1654 г. мощи должны были оказаться в разных частях храма – у северного и у южного выхода [Янин, с. 136 и след.]. Но подьячие, очевидно, увидели их совершенно в другой части храма – в северной, поблизости от Богословской паперти. Сомневаться в точности наблюдений подьячих не приходится, поэтому логично будет предположить, что они зафиксировали какое-то передвижение саркофагов, которое не было отмечено другими источниками.

⁵ Описание новгородской святыни протопопом Максимом, 1634 г. [Янин, с. 221–222]. В. Л. Янин выдвигает ряд аргументов в пользу того, что мощи принадлежали не князю Мстиславу Ростиславичу Храброму, а князю Мстиславу Ростиславичу Безокому [Там же, с. 119–126].

⁶ Глубником называют северо-западный ветер, а также северо-западную сторону. Интересно, что составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» характеризуют это слово как «местное» [Словарь, вып. 4, с. 35].

В целом описания святынь Московского царства свидетельствуют о достаточно традиционной религиозности, к чертам которой следовало бы отнести особое почитание юродивых. Петровская церковная реформа еще не началась, и те попытки преобразований, которые сделаны были за первые полтора десятилетия нового века, никак не повлияли на взгляды подьячих. Это тем более интересно и характерно, поскольку у нас нет никаких данных для того, чтобы усомниться в лояльности наших авторов по отношению к Петру или в их служебном рвении.

Старое и новое

Записки подьячих представляют собой причудливое сплетение старого и нового. К традиционным архаическим чертам можно прежде всего отнести те, которые находят соответствие в фольклорных памятниках. Сюда следует отнести рассказы об основании Москвы и о посохе Антония Римлянина, а также заметку об основании Нарвы.

Первым примером контаминации фольклорных мотивов с темами древнерусской литературы, которые воспроизводятся не по тексту, а по памяти (так что непосредственной текстуальной связи установить не удается), является рассказ об основании Москвы.

Река Москва прослыла потому что еще до основания Москвы на том месте где церковь древняя на дворце тогда был лес великой... И тут жил старец именем Мосох. И он прорекал тако что сие место свято. И будет на сем месте царство великой Российское а Смородина де река будет Москва а где ныне гостин двор тогда было все пусто. И он старец прорекал что де тут будут съезжатися всякия люди разных язык для торгу. И з Божиим изволением тако и збылось, а Смородина ж река прослыла Москва (л. 252–252 об.).

Но если сам эпоним Мосох, скорее всего, попал в записки из «Повестей о начале Москвы» [Салмина, с. 193 (третий вид)], то река Смородина является фольклорным мотивом. Значение этого древнерусского Стикса было раскрыто в работах В. Н. Мансикки и А. В. Юдина: «Она – рубеж мира иного, преграда, которую вынужден преодолеть отправляющийся в путешествие фольклорный герой... В сказках на берегах Смородины лежат кости человеческие... переправа смертельно опасна. На Смородине останавливаются на отдых былинные богатыри (Добрыня Никитич, Алеша Попович) и сказочные героини (Иван Быкович с братьями); у нее Саул Леванидович убивает царя Кунгура, а Добрыня настигает богатыря Кузьму Семерцянинова, племянника-врага Ильи Муромца. Здесь Алеша Попович находит убитого Добрыню Никитича. На реке Смородине останавливаются во время набега на Русь королевичи Левики, племянники Политовского короля, через нее переправляется в облике волка князь-оборотень Константин

(Роман) Дмитриевич, чтобы навредить им и подать сигнал к битве» [Юдин, с. 109–111]⁷.

Во-вторых, фольклорные элементы могут появляться как инкрустация внутри рассказа, восходящего к известному агиографическому нарративу. Именно так происходит в рассказе о Новгородском Антониевом монастыре, в котором подьячие описали реликвии Св. Антония Римлянина:

А на котором камени преподобный Антоний приплыл в Новгород, и тот камень в паперти, а написан на нем образ его и трость ево на гробнице, за которую он преподобный держался, а как на оном камени понесло, и он преподобный за нее схватился, и обломилася у него в руке (л. 256 об.).

Можно сказать, что и камень, и посохи Антония к XVII в. представляли собой вполне признанные реликвии святого⁸. Однако рассказ о том, какую роль мог сыграть этот посох во время путешествия, не фиксируется в агиографических текстах: здесь открывался некоторый простор для устных пояснений, который получали паломники. Очевидно, именно последние и отложились в записках подьячих.

В третьих, можно пунктирно наметить простое вкрапление фольклорных «общих мест» в сугубо книжное повествование. К таким общим местам относится объединение Ивана III и Ивана IV в одном персонаже, причем основателем Ивангорода объявляется Иван IV, а не его дед, как это следовало бы.

К элементам нового, на мой взгляд, относятся понятия, которые употребляют авторы, а также определенная ревизия паломнического нарратива, в котором появляется интерес к курьезному. Сама по себе категория «курьезного» еще не возникает в путевых записках, но авторы приближаются к ней, когда они, описывая московские и новгородские реликвии, обращают внимание на либо очень древние, либо уникальные в своем роде памятники или артефакты. Так, описывая Московский Кремль, подьячие совершенно справедливо видят его центр в церкви Спаса-на-Бору: «Средина пуп Москвы на государеве дворце церковь Спаса рекомаго на Бору самая древняя, уже лес на ней вырос» (л. 252). Точности суждения подьячих остается удивляться – собор Спаса Преображения на Бору, каменное здание которого было поставлено Иваном Калитой, являлся в описываемое время старейшим зданием Московского Кремля, которым он и оставался до своего разрушения в 1933 г. [Паламарчук, с. 97–99].

⁷ Интересная и, возможно, более поздняя параллель приведена в.: [Плюханова, с. 17–31].

⁸ Посох не упоминается ни в житии, ни в слове похвальном или в службе Св. Антонию Римлянину. В «Описании», составленном протопопом Максимом в 1634 г., которое может отражать то, что рассказывали паломникам в XVII в., упоминается только «камень», «на котором камени из Риму по водем приде», но не упоминаются посохи [Святые русские римляне, с. 233 и след.; Янин, с. 221].

Описывая Софию Новгородскую, подьячие особо останавливаются на Корсунских вратах:

А у соборной церкви з западную страну двери медные литые пречюдные, привезены из Корсуня града, а других таких пречюдных нигде не обретается в Российском государстве (л. 256 об.– 257).

Совершенно ясно, что при этом описываются так называемые Сигтунские врата, происхождение которых современные исследователи связывают с Магдебургом или с Плоцком [Поппе]⁹. Отметим, что «пречюдными» они становятся не благодаря несправедливо присвоенному им происхождению, содержащему отсылку на крещение Руси, а благодаря особо искусной работе.

К новым понятиям, которые употребляют авторы, можно отнести и вполне традиционные крепостные рвы, которые они предпочитают называть каналами. Само по себе это слово вместе с означаемым им явлением стало внедряться молодым царем начиная с 1698 г.¹⁰

Объединяя старое и новое, путевые записки архангелогородских подьячих все же больше всего привлекают своей открытостью в будущее. Это, если я не ошибаюсь, первое отечественное путешествие из Москвы в Петербург и, возможно, первый по своей дате мемуарный текст, вышедший из среды местных канцеляристов.

Список литературы

Бочаров Г. Т. Корсунские врата Новгородского Софийского собора // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М. : Наука, 1983. С. 5–33.

Георгиевский Г. Собрание Н. С. Тихонравова. Вып. 1. Рукописи. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 127 с.

Паламарчук П. Г. Сорок сороков : в 2 т. М. : Астрель, 2007. Т. 1. Кремль, Китайгород. Белый город. 253 с.

Плюханова М. Б. Гибель Петра I в реке Смородине // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1982. Вып. 604. С. 17–31.

Поппе А. В. К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. М. : Наука, 1976. С. 191–200.

Рабинович М. Д. Полки петровской армии, 1698–1725 гг. : краткий справочник. М. : Гос. ист. музей, 1977. 112 с.

Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М. ; Л. : Наука, 1964. 271 с.

Святые русские римляне : Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука, 1975. Вып. 4 (Г–Д). 403 с. Вып. 7 (К–Крагуяр). 403 с.

⁹ Положение здесь осложняется тем, что в XVIII в. Сигтунские врата назывались Корсунскими, в то время как сейчас это название носят другие врата [Бочаров].

¹⁰ Сам термин «канал» появляется уже в «Курантах» XVII в., но служит, кажется, скорее для обозначения Канала, то есть Ла-Манша. Для обозначения искусственных водных путей, соединяющих реки, озера и моря, он впервые применяется в переписке Петра I под 1698 г. [Словарь, вып. 7, с. 52].

Травников С. Н. Писатели петровского времени: литературно-эстетические взгляды (путевые записки). М. : Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1989. 102 с.

Травников С. Н. Путевые записки петровского времени: проблема историзма. М. : Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1987. 98 с.

Юдин А. В. Мифоним Смородина // Восточноукраинский лингвистический сборник / отв. ред. Е. С. Отин. Донецк : ДонГУ, 1996. Вып. 2. С. 109–111.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М. : Наука, 1988. 239 с.

Lavrov A. La construction de la Sainte Russie : les pèlerinages des gouverneurs moscovites au XVIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 53, no. 2–3. 2012. P. 375–384.

Referenses

Bocharov, G. T. (1983). Korsunskie vrata Novgorodskogo Sofiiskogo sobora [The Korsun Gate of the Saint Sophia Cathedral in Novgorod]. In *Pamyatniki russkoi arkhitektury i monumental'no go iskusstva*. Moscow, Nauka, pp. 5–33.

Filin, F. P. (Ed.). (1975). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [A Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. Iss. 4 (G–D). 403 p. Iss. 7 (K – Kraguyar'). 403 p.

Georgievskii, G. (1913). *Sobranie N. S. Tikhonravova. Vyp. I. Rukopisi* [Collection of N. S. Tikhonravov. Iss. 1. Manuscripts]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoi. 127 p.

Lavrov, A. (2012). La construction de la Sainte Russie : les pèlerinages des gouverneurs moscovites au XVIIe siècle. In *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 53. No. 2–3, pp. 375–384.

Palamarchuk, P. G. (2007). *Sorok sorokov v 2 t.* [40 Times 40. 2 Vols.]. Moscow, As-trel'. Vol. 1. Kreml', Kitai-gorod. Belyi gorod. 253 p.

Plyukhanova, M. B. (1982). Gibel' Petra I v reke Smorodine [The Death of Peter I in the Smorodina River]. In *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Iss. 604, pp. 17–31.

Poppe, A. V. (1976). K istorii romanskikh dverei Sofii Novgorodskoi [On the History of the Romanesque Doors of the Novgorod Sophia]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 191–200.

Rabinovich, M. D. (1977). *Polki petrovskoi armii, 1698–1725 gg. Kratkii spravochnik* [Regiments of the Petrine Army, 1698–1725. A Brief Handbook]. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 112 p.

Ramazanova, N. V. (Ed.). (2005). *Svyatye russkie rimlyane. Antonii Rimlyanin i Merkurii Smolenskii* [The Holy Russian Romans. Anthony the Roman, and Mercurius of Smolensk]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, 392 p.

Salmina, M. A. (1964). *Povesti o nachale Moskvy* [Tales of the Beginning of Moscow]. Moscow, Leningrad, Nauka. 271 p.

Tra vnikov, S. N. (1987). *Putevye zapiski petrovskogo vremeni. Problema istorizma* [Travelogues of the Petrine Period. The Issue of Historicism]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V. I. Lenina. 98 p.

Tra vnikov, S. N. (1989). *Pisateli petrovskogo vremeni. Literaturno-esteticheskie vzglyady (putevye zapiski)* [Writers of the Petrine Period. Literary and Aesthetic Views (Travelogues)]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V. I. Lenina. 102 p.

Yanin, V. L. (1988). *Nekropol' Novgorodskogo Sofiiskogo sobora* [The Necropolis of the Saint Sophia Cathedral in Novgorod]. Moscow, Nauka. 239 p.

Yudin, A. V. (1996). Mifonim Smorodina [The 'Smorodina' Mythonym]. In Otin, E. S. (Ed.). *Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik. Vyp. 2.* Donetsk, Donetskii gosudarstvennyi universitet, pp. 109–111.

The article was submitted on 29.11.2017